

Ж 86

ВЛАДИМИР
ЖУКОВ

ВЛАДИМИР
ЖУКОВ

Убогга
лирика
поэмы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •
МОСКВА • 1976

Николай Майоров

По вехам горестных дорог
навстречу времени шагать...
Я столько раз давал зарок
порог тот не переступать,
чтоб ран чужих не бередить,
чтоб за помин души не пить.

А вот опять пришел и сел
на сиротливый табурет,
где двадцать лет назад сидел
мой друг... А над столом портрет,
что Коля Шеберстов писал —
как будто знал, предполагал...

О как наивны годы те
в упорстве яростном своем:
«Пусть не в стихе, пусть на холсте,
но мы дойдем...» К кому дойдем?
К любимой? А любимой нет.
И сына нет, и внука нет...

Пускай простят нам этот бред
и на бессмертие замах.
Мы жили жадно в двадцать лет,
врагам и недругам на страх.

А он глядел во **все** глаза
на мир из света и воды.
В слух уходил — звенит роса,
скрипят на веточках плоды.
Вот чья-то женщина идет.

Наверно, чья-то. Не ничья.
Бровей разлет, руки полет,
любая жилочка поет...

Такая — да еще б ничья!

Не обернулась... Ладно, что ж,
в запасе — жизнь. Ударит час —
полюбят, может быть, и нас,
мир и без этого хорош.

Еще мы шли на эту ложь.
Но он, лукавя, понимал,
что без любви не проживешь,
что сам себя не проведешь —
мир без нее и тускл и мал.

Чего он ждал? Он сам не знал,
но верил — сбудется, придет.
Так ждут дождя в тяжелый год,
знаменья верующий ждет...

Ирина!..
В голосе твоём,
в твоих глазах, узле волос
вдруг все слилось, перевилося.
И не его вина потом,
что все пришлось, да не сбылось...

Он был средь нас добрее всех,
умнее всех, прямее всех,
а в день повесток — в трудный день —
еще к тому ж — смелее всех.
Пусть мне посмеет возразить,
пусть возмутится тот студент,

тот выпускник,
что под Ташкент
уехал маму отвозить,
иль тот, что в Ашхабад удрал.
(Все говорят, стихи писал,
бил стертой рифмой по врагу...)

А мы лежали на снегу.
Погибший
в рифмах
понимал.

1959

